

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2022.51.95.021

Истина и заблуждение как философские категории в научном познании

Муталимов Абдулмуслим Эмеевич

Доктор социологических наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Северо-Кавказский институт (филиал),
Всероссийский государственный университет юстиции,
367008, Российская Федерация, Махачкала, пр. Акушинского, 7;
e-mail: muslim.mutalimov@mail.ru

Аннотация

Попытки решения проблемы соотношения истины и заблуждения можно обнаружить во всех крупных этапах развития истории философии. В статье анализируется проблема теории познания, которая породила теорию «множественности истин». Теория «множественности истин» смазывает границы между истиной и заблуждением и по этой причине делает по существу бессмысленной постановку проблемы соотношения истины и заблуждения в познании. Интересно отметить, что еще И. Кант в «Критике чистого разума» предпринял попытку показать неразрешимость противоречий, неизбежно возникающих при решении проблемы соотношения истины и заблуждения лишь с помощью формально-логических средств. Гегель последовательно проводит мысль о том, что в знании имеются относительно истинные моменты, которые и определяют направления его развития. Заблуждение также является знанием, но оно не соответствует сущностной характеристике изучаемого предмета. При этом заблуждение, содержащееся в истинном знании, лишь внешне соединено с ним. Понятие «заблуждение» характеризует состояние знания, качественно отличного от истинного, оно фиксирует факт неверного, искаженного отражения действительности.

Для цитирования в научных исследованиях

Муталимов А.Э. Истина и заблуждение как философские категории в научном познании // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 3А. С. 138-143. DOI: 10.34670/AR.2022.51.95.021

Ключевые слова

Истина, заблуждение, средневековая схоластика, логическое построение схоластов, рационалисты, сенсуалисты, позитивизм, формальная логика.

Введение

Попытки решения проблемы соотношения истины и заблуждения можно обнаружить во всех крупных этапах развития истории философии. В древности эта проблема обсуждалась в связи с выявлением наличия у человека абстрактного мышления, зарождением логики, появлением и осознанием понятия истины и осмыслением ее противоположности – заблуждения [Гегель, 1959, 215]. «Истина и заблуждение», подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области», утверждал Ф. Энгельс, характеризуя данные философские категории [Маркс, Энгельс, 1961, 92]. Чжуан-Цзы – видный представитель даосизма говорил, что истина существует лишь постольку, поскольку существует ложь, а ложь существует лишь постольку, постольку существует истина. Утверждение есть в то же время отрицание, отрицание в то же время есть утверждение. Отрицание включает в себе истину и ложь, утверждение так же включает в себе ложь и истину. Чжуан-Цзы утверждал мысль о связи истины и заблуждения, существующей в форме противопоставления одного другому как чему-то внешнему. Его мысли о единстве противоположностей, их взаимообусловленности и естественной взаимозаменяемости, положение о естественности и неизбежности жизни и смерти сочетаются со многими последующими философами Востока и Запада [Философский энциклопедический словарь, 1983, 773].

Возражая Протагору, отрицавшего заблуждения в знании, Платон развивает целостную концепцию заблуждения, согласно которой заблуждение столь же правомерный компонент знания, как истина [Маркс, Энгельс, 1961, 250, 264].

Любопытны рассуждения об истинном и ложном у Аристотеля, четко определившего впервые истину как соответствие представлений действительности, а заблуждение как их несоответствие действительности. Заслуживает внимания мысль Аристотеля о ложном, как мнения, отстающем от изменения состояния вещей. «В самом деле, пишет Аристотель, одна и та же речь кажется истинной и ложной, например, если истинно утверждение, что кто-нибудь сидит, то, когда он встанет, это же самое утверждение будет ложным. То же самое по отношению к мнению: если кто-нибудь правильно полагает, что-такой-то человек сидит, то, когда этот последний встанет, первый, сохраняя о нем то же самое мнение, будет уже судить неправильно» [Платон, 1970, 433-434].

В средневековой схоластике заблуждение связывалось только с логическими ошибками. В период возникновения экспериментального естествознания проблема соотношения истины и заблуждения стала острым оружием в борьбе со схоластикой, отрицавшей происхождение знания из опыта [Антология мировой философии, 1969, 13-14, 16]. Зарождающаяся экспериментальная наука объявляет бесплодными все логические построения схоластов, основанных на дедуктивных заключениях, исходные посылки которых были извлечены из книг догматизированного Аристотеля и других мыслителей.

В философии 17-18 вв. в сенсуализме и рационализме проблема соотношения истины и заблуждения получает более глубокое обоснование. В частности, появляются попытки объяснить возникновение истины и заблуждения исходя из особенностей чувственного и рационального момента познания. Рационалисты считали, что источником заблуждения являются чувства, которым верить нельзя. Сенсуалисты полагали, что только чувственно-воспринимаемое является достоверным, а все, что идет от разума является заблуждением [Бэкон, 1972].

Вся западная философия, утверждает профессор философии П.С. Заботин, оказывается не в состоянии решить проблему соотношения истины и заблуждения. Игнорируя общественно-историческую природу познания, она ограничивается лишь формально-логической концепцией противоположности истины и заблуждения в наличном знании. Такой подход характерен для одного из основоположников позитивизма Дж. Милля. Понимая под заблуждением лишь ошибки в умозаключениях, Милль формально-логически противопоставляет истину и заблуждение, не раскрывая диалектику их взаимоотношений в процессе познания [Локк, 1960, 666-674].

Основная часть

Анализ проблем теории познания породил теории «множественности истин». Теории «множественности истин» смазывают границы между истиной и заблуждением и по этой причине делают по существу бессмысленной саму постановку проблемы соотношения истины и заблуждения в познании.

Небезынтересно отметить, что еще И. Кант в «Критике чистого разума» предпринял попытку показать неразрешимость противоречий, неизбежно возникающих при решении проблемы соотношения истины и заблуждения лишь с помощью формально-логических средств. «Что же касается познания в отношении одной лишь формы (не касаясь содержания), пишет он, то в такой же мере ясно, что логика, поскольку она излагает всеобщие и необходимые правила рассудка, должна дать критерии истины именно в этих правилах. В самом деле, то, что противоречит им, есть ложь, так как рассудок при этом противоречит общим правилам мышления, стало быть, самому себе. Однако эти критерии касаются только формы истины, т.е. мышления вообще, и поскольку они недостаточны, хотя и совершенно правильны. В самом деле, знание, вполне сообразное с логической формой, т.е. не противоречащее себе, тем не менее, может противоречить предмету. Итак, один лишь логический критерий истины, а именно соответствие знания с всеобщими и формальными законами рассудка и разума, есть правда, *conditio sine qua non*, стало быть, негативное условие всякой истины, но дальше этого логика не может идти, и никаким критерием она не в состоянии обнаружить заблуждение, касающееся не формы, а содержания» [Милл, 1914, 160].

Кант критикует тех, кто принимает формальную логику за единственное средство анализа знания. Он подчеркивает, что, не раскрывая содержательности мышления, формальная логика выступает лишь логикой видимости, удобной для софистического искусства, придающего незнанию или даже преднамеренному, обману вид истины [там же, 161-162]. Однако, показывая недостаточность формально-логического критерия для различения истины и заблуждения, Кант не видит подлинного критерия – практики и, потому считает проблему неразрешимой антиномией. «Но так как истина касается именно этого содержания знаний, утверждает он, то отсюда ясно, что совершенно невозможно и нелепо спрашивать о признаке истинности этого содержания знаний и что достаточный и в то же время всеобщий признак истины не может быть дан» [там же, 159-160].

Экскурсы в историю философии с целью уяснения любой философской проблемы всегда представляются интересными, ибо они нередко избавляют от необходимости заново открывать уже известные науке истины. Много ценных мыслей находим мы у Гегеля, вклад которого в разрешение антологии истины и заблуждения поистине не оценим и лишней раз свидетельствует об огромной заслуге великого мыслителя в разработке диалектической логики.

Гегель первым в истории философской мысли обозначил несостоятельность метафизического противопоставления истины и заблуждения в исторически развивающемся знании, в развитии истины как процесса: «Противоположность истинного и ложного так укоренилась в общем мнении, что последнее обычно ожидает или одобрения какой-либо имеющейся философской системы, или несогласия с ней, а при объяснении ее видит лишь либо то, либо другое. Общее мнение не столько понимает различие философских систем как прогрессирующее развитие истины, сколько усматривает в различии только противоречие. Почка исчезает, когда распускается цветок, и можно было бы сказать, что она опровергается цветком. Точно так же при появлении плода цветок признается ложным наличным бытием растения, а в качестве его истины вместо цветка выступает плод. Эти формы не только различаются между собой, но и вытесняют друг друга как несовместимые. Однако их текучая природа делает их в то же время моментами оригинального единства, в котором они не только не противоречат друг другу, но один так же необходим, как и другой, и только это одинаковая необходимость и составляет жизнь целого. Голый результат есть труп, оставивший позади себя тенденцию» [Кант, 1964, 2].

На примере развития философии Гегель, прежде всего, подчеркивает, что проблему соотношения истинного и ложного можно решить, лишь рассматривая знание как исторически развивающуюся целостную систему, понять содержание частей которой понять вне целого невозможно. Такое понимание проблемы дает возможность вскрыть несостоятельность представлений, когда одна часть целого, исторически развивающегося знания, противопоставляется другой как истина и заблуждение.

Истины кажутся заблуждениями из-за того, считает Гегель, что применяется неправильный прием определения содержания знания, когда отдельные его моменты выдаются за само целое. «Всякое содержание, отмечает Гегель, получает оправдание лишь как момент целого, вне целого оно есть необоснованное предположение, или субъективная достоверность» [Гегель, 1959, 32]. Заблуждение, по мнению мыслителя, – это неправомерное превращение момента развивающейся истины в целое. И неслучайно заблуждения в истории развивающегося знания Гегель считает зародышами истины, называет их «меньшими истинами», моментами истины.

Гегель, настойчиво подчеркивая принципиальную недопустимость метафизического противопоставления истины и заблуждения в исторически развивающемся знании, указывал вместе с тем и на их качественное отличие, состоящее в том, что «ложное знание о чем-нибудь означает неравенство знания с его субстанцией» [там же, 20] (искаженное отражение объекта субъектом). И поскольку истина не есть одномоментно «отчеканенная монета, которая может быть дана в готовом виде» [Гегель, 1930, 20], процесс ее формирования в истории познания тесно переплетен с заблуждением. «У кого-нибудь, подчеркивал Гегель, может возникнуть желание не обременять себя негативным, как ложным, а требовать, чтобы его сразу подвели к истине. К чему связываться с тем, что ложно? Представления об этом больше всего затрудняют доступ к истине» [там же, 20]. Существенная особенность знания, по Гегелю, состоит в том, что в процессе его развития происходит постоянное преодоление, снятие заблуждения [Бэкон, 1972, 320].

Заключение

Гегель последовательно проводит мысль о том, что в знании имеются относительно истинные моменты, которые и определяют направления его развития. Но каким же образом

заблуждение существует в знании? Заблуждение также является знанием, но оно не соответствует сущностной характеристике изучаемого предмета. При этом заблуждение, содержащееся в истинном знании, лишь внешне соединено с ним. Истина и заблуждение «подобны маслу и воде, которые, не смешиваясь, только внешне соединены» [Гегель, 1930, 20]. Понятие «заблуждение» характеризует состояние знания, качественно отличного от истинного, оно фиксирует факт неверного, искаженного отражения действительности [Философский энциклопедический словарь, 1983, 188].

Библиография

1. Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1. Ч. 1. 576 с.
2. Бэкон Ф. Сочинения. М., 1972. Т. 2. 575 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. М.-Л., 1930. Т. 1. 683 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. М., 1959. Т. 4. 488 с.
5. Кант И. Сочинения. М., 1964. Т. 3. 799 с.
6. Локк Дж. Избранные философские произведения. М., 1960. Т. 2. 532 с.
7. Милл Дж. Система логики силлогистической и индуктивной. М., 1914. 880 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 20. URL: <http://www.uaio.ru/marx/20.htm#psoder>
9. Платон. Сочинения. М., 1970. Т. 2. 612 с.
10. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. 840 с.

Truth and error as philosophical categories in scientific knowledge

Abdulmuslim E. Mutalimov

Doctor of Sociology,
Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines,
North-Caucasian Institute (Branch),
Russian State University of Justice,
367008, 7, Akushinskogo ave., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: muslim.mutalimov@mail.ru

Abstract

Attempts to solve the problem of the relationship between truth and error can be found in all major stages in the development of the history of philosophy. The article analyzes the problem of the theory of knowledge, which gave rise to the theory of plurality of truths. The theory of plurality of truths blurs the boundaries between truth and error, and for this reason makes the formulation of the problem of the relationship between truth and error in cognition essentially meaningless. It is interesting to note that even I. Kant, in his Critique of Pure Reason, made an attempt to show the insolubility of the contradictions that inevitably arise when solving the problem of the relationship between truth and error only with the help of formal logical means. Hegel consistently holds the idea that there are relatively true moments in knowledge, which determine the direction of its development. Delusion is also knowledge, but it does not correspond to the essential characteristics of the subject being studied. At the same time, the error contained in true knowledge is only externally connected with it. The concept of delusion characterizes the state of knowledge, qualitatively different from the true, it fixes the fact of an incorrect, distorted reflection of reality.

For citation

Mutalimov A.E. (2022) Istina i zabluzhdenie kak filosofskie kategorii v nauchnom poznanii [Truth and error as philosophical categories in scientific knowledge]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (3A), pp. 138-143. DOI: 10.34670/AR.2022.51.95.021

Keywords

Truth, delusion, medieval scholasticism, logical construction of scholastics, rationalists, sensualists, positivism, formal logic.

References

1. (1969) *Antologiya mirovoi filosofii* [Anthology of world philosophy]. Moscow. Vol. 1. Part 1.
2. Bacon F. (1972) *Sochineniya* [Works]. Moscow. Vol. 2.
3. (1983) *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow.
4. Hegel G.W.F. (1930) *Sochineniya* [Works]. Moscow-Leningrad. Vol. 1.
5. Hegel G.W.F. (1959) *Sochineniya* [Works]. Moscow. Vol. 4.
6. Kant I. (1964) *Sochineniya* [Works]. Moscow. Vol. 3.
7. Locke J. (1960) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Moscow. Vol. 2.
8. Mill J. (1914) *Sistema logiki sillogisticheskoi i induktivnoi* [System of logic syllogistic and inductive]. Moscow.
9. Marx K., Engels F. (1961) *Sochineniya* [Works]. Moscow. Vol. 20. Available at: <http://www.uaio.ru/marx/20.htm#psoder> [Accessed 06/06/2022]
10. Plato (1970) *Sochineniya* [Works]. Moscow. Vol. 2.